

18+

КРЕНОВ ВАЛЕРИЙ

Под знаком 33. Иероглиф и ива

СЛЕДЫ В ОТРАЖЕНИИ

Кренов Валерий

**Под знаком 33. Иероглиф
и ива. Следы в отражении**

«Издательские решения»

Валерий К.

Под знаком 33. Иероглиф и ива. Следы в отражении /
К. Валерий — «Издательские решения»,

После исчезновения детей в старом приюте Кристина, Валерий и Анна находят следы тайной схемы, где подменяли имена, стирали память и ломали судьбы. Расследование приводит их в дом зеркал и заброшенный особняк, где прошлое неожиданно возвращает тех, кого считали потерянными. Все персонажи и события вымышлены; любые совпадения случайны.

Под знаком 33. Иероглиф и ива Следы в отражении

Кренов Валерий

© Кренов Валерий, 2026

ISBN 978-5-0070-2313-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дисклеймер

Это художественное произведение. Все персонажи, события и места вымышлены; любые совпадения случайны. Роман содержит элементы мистики, сновидений, психологического напряжения и детективного расследования. Возрастная рекомендация: 18+.

Оглавление

Пролог. Знак после сна

Глава 1. Три красных листа ивы

Глава 2. Домина Анна

Глава 3. Иероглиф на стекле

Глава 4. Между 6 и 9

Глава 5. Женщина, которой не было

Глава 6. Отражение знака

Глава 7. Дом, где шепчет тьма

Глава 8. Красный лист в ладони

Глава 9. Оракул возвращается

Глава 10. 33

Эпилог. После сна

Начало второй части

Пролог. Знак после сна

Сон закончился резко, как обрыв нити, за которую слишком долго держалась память. Анна проснулась не от страха, а от ощущения, что в комнате кто-то уже побывал и оставил после себя след, невидимый глазу, но слишком отчётливый для сердца. На ладони у неё лежал странный знак, похожий на иероглиф, будто выжженный не огнём, а самим сновидением.

Она долго не понимала, откуда взялся этот след, пока не заметила у окна три красных листа ивы. Они лежали на подоконнике, как маленькое предупреждение, как знак, который кто-то отправил не письмом, а намёком. Один лист был целым, второй надломлен, третий словно обожжён изнутри.

Анна знала только одно: после сна начинается не покой, а дорога. И эта дорога снова ведёт к знаку 33, где 6 и 9 не спорят, а отражают друг друга, как две стороны одной тайны.

Введение

Красная площадь в тот день была особенно живая: ветер играл флагами, люди спешили мимо, шёлкали затворы камер, и город казался огромной сценой, на которой каждый случайный взгляд мог стать началом истории.

Валерий стоял немного в стороне, не торопясь растворяться в потоке туристов. Он приехал сюда по делам, с привычной внутренней собранностью человека, который умеет видеть детали и не любит суеты. И именно в этот момент рядом появилась она — девушка с камерой, лёгкая, быстрая, уверенная в себе. Она заметила его почти сразу: не как прохожего, а как образ, который хочется поймать в кадр.

— Извините, — сказала она, поднимая камеру. — Можно вас сфотографировать? У вас очень интересный взгляд.

Валерий сначала хотел отказаться, но в её голосе было что-то такое, что обезоруживало — не навязчивость, а точность. Он кивнул. Она быстро отошла на нужное расстояние, чуть прищурилась, выстроила кадр и сделала несколько снимков. Всё это было так профессионально и естественно, что он неожиданно для себя почувствовал неловкость — и одновременно интерес.

— Спасибо, — сказала она, опуская камеру. — Вы очень хорошо смотрите в кадре. Он улыбнулся.

— А вы снимаете профессионально?

— Пытаюсь, — ответила она с лёгкой иронией. — Хочу, чтобы это стало моей работой.

Он внимательно посмотрел на неё и почему-то сразу захотел помочь. Не деньгами — это было бы слишком просто и неуместно. Он понял, что хочет отблагодарить иначе, по-человечески, но подходящих слов не находил.

— Я бы хотел как-то вас поблагодарить, — сказал он. — Но, честно говоря, не знаю, как это сделать правильно.

Она пожала плечами, улыбнулась и достала телефон.

— Тогда просто напишите мне.

Он записал номер, а она, немного помедлив, спросила:

— А вы чем занимаетесь? У вас такой вид... будто вы не случайный человек на площади.

— Работаю со знаками, архивами, документами, — ответил он после короткой паузы. —

С тем, что люди обычно не замечают, пока это не станет поздно.

Её взгляд стал чуть внимательнее.

— Звучит загадочно.

— Иногда слишком, — сказал он. — А вы почему заинтересовались?

— Мне просто нравится узнавать людей, — призналась она. — Особенно тех, кто выглядит так, будто у них внутри целая история.

Он усмехнулся, но в этой улыбке было что-то тёплое и грустное.

Когда разговор коснулся личного, он не стал прятаться за шутками.

— Сейчас я свободен, — сказал он. — Но недавно потерял женщину, которую очень любил. Она ушла из жизни, и с тех пор многое во мне как будто остановилось.

Девушка не перебила его. Только чуть опустила глаза, словно поняла, что перед ней не просто мужчина, а человек, который до сих пор живёт рядом с памятью.

— Мне жаль, — тихо сказала она.

Он кивнул и, помолчав, добавил уже мягче:

— А вы не бойтесь идти дальше. Если у вас есть талант, если вы видите кадр, чувствуете свет — продвигайтесь как профессиональный фотограф. У вас для этого есть всё.

Она неожиданно улыбнулась — уже не из вежливости, а по-настоящему.

— Спасибо. Это, пожалуй, лучший совет за сегодня.

Они ещё немного постояли на площади, а потом разошлись каждый в свою сторону. Но в воздухе после этой встречи осталось ощущение, будто случайность оказалась не случайностью, а первым знаком чего-то большего.

И Валерий уже знал

: он обязательно напишет ей.

Он действительно написал ей вечером того же дня.

Валерий:

Спасибо за фото. Вы очень точно ловите свет. И людей.

Ответ пришёл почти сразу, будто она ждала.

Она:

А вы очень точно смотрите в камеру. Не каждый умеет так стоять перед объективом.

И да — спасибо за разговор. Было неожиданно по-настоящему.

Он улыбнулся, глядя в экран. Простая фраза, а в ней уже было что-то живое. Не кокетство, не формальность — интерес.

Он не писал много. Только спрашивал, как у неё дела, давно ли она снимает, где училась, что любит фотографировать. Она отвечала легко, с юмором, иногда чуть дерзко, но без пустоты. В её сообщениях чувствовалась энергия человека, который ещё только ищет своё место, но уже не боится идти вперёд.

Через пару дней он спросил:

Валерий:

Вы свободны в субботу?

Она:

Зависит от предложения.

Валерий:

Я бы хотел вернуть вам должок. Не деньгами. Кофе, прогулка и один разговор без камеры.

Она отправила улыбающийся смайл, потом написала:

Она:

Звучит как начало чего-то подозрительно приятного.

Новая встреча

Они встретились в небольшом кафе недалеко от центра. Осень уже начинала холодить воздух, и в окнах отражались огни города. Она пришла раньше и сидела у окна с чашкой кофе, держа телефон в руках. Когда он вошёл, она подняла взгляд и сразу улыбнулась — как будто узнала его не только по лицу, но и по тому спокойствию, которое он приносил с собой.

— Вы пунктуальны, — сказала она.

— А вы, значит, уже успели замёрзнуть?

— Немного. Но теперь нет.

Он сел напротив, и разговор сразу пошёл легко. Она расспрашивала его о работе, и он впервые не уходил в сухие формулировки.

— Я занимаюсь архивами, — сказал он. — Документами, старыми делами, следами прошлого. Иногда мне кажется, что настоящее держится на том, что кто-то когда-то не решился выбросить.

— Это красиво сказано, — заметила она. — И немного печально.

— Скорее честно.

Она наклонила голову, изучая его с любопытством.

— А почему вы выбрали такую работу?

Он помолчал.

— Наверное, потому что не люблю, когда исчезают следы. И потому что однажды я слишком поздно понял, как много можно потерять.

Она не стала давить. Только тихо спросила:

— Это связано с той женщиной, о которой вы говорили?

Он кивнул.

— Я всё ещё учусь жить после этой потери. Иногда кажется, что я уже давно свободен, а иногда — что просто научился молчать.

Она смотрела на него долго, без жалости, но с той редкой мягкостью, от которой человеку становится легче дышать.

— Вы не похожи на человека, который должен оставаться один, — сказала она.

Он чуть улыбнулся.

— А вы не похожи на девушку, которая должна довольствоваться случайными снимками на улице.

Она рассмеялась.

— Вот теперь вы меня почти уговорили поверить в себя.

Как возникает чувство

После кафе они вышли гулять. Город был серым и немного влажным после дождя, но в этом было своё очарование. Она шла рядом, иногда задавая вопросы, иногда просто молча, и это молчание оказалось удивительно тёплым.

Уже на мосту она остановилась, чтобы сфотографировать отражение фонарей в воде.

— Не поворачивайтесь резко, — сказала она. — Я хочу поймать вас в кадр.

— Опять?

— На этот раз не случайно.

Он оглянулся на неё, и в этот момент она нажала на кнопку. Получился снимок, на котором он был не строгим архивистом, а человеком с усталым, очень живым взглядом.

— Вот, — сказала она, показывая экран. — Таким я вас и вижу.

Он посмотрел на фото и вдруг почувствовал странное — не просто симпатию, а почти забытое тепло. Рядом с ней ему не хотелось прятаться в сдержанность. Хотелось говорить честно.

— А вы? — спросил он. — Какой я вам кажусь?

Она чуть помолчала.

— Одиноким. Но не холодным.

И ещё... очень настоящим.

Эти слова застряли у него внутри.

Потом он осторожно спросил:

— А вы всегда так смотрите на людей?

— Только если они мне интересны.

Он посмотрел на неё внимательнее. Она отвела взгляд, но улыбка выдала её.

И тогда он впервые понял, что ждёт их следующей встречи.

Сближение

Они начали видеться чаще. Иногда это были короткие прогулки, иногда — кофе после её съёмки, иногда — случайные сообщения поздно вечером. Она присылала ему фотографии: старые двери, уличные огни, лица прохожих, тени на стенах. Он отвечал не сразу, но всегда точно — будто подбирал не только слова, но и интонацию.

Постепенно он стал замечать, что думает о ней чаще, чем позволяет себе признать. А она, в свою очередь, всё чаще ловила себя на том, что ждёт его сообщений и улыбается им, как чему-то личному и важному.

Однажды она призналась:

Она:

Знаете, я раньше думала, что настоящие люди не бывают такими спокойными.

Валерий:

А я думал, что настоящие девушки не умеют так смотреть в душу через объектив.

Она:

Может, это вы меня так видите.

Валерий:

Может быть. Но я не ошибся.

После этой переписки между ними будто что-то изменилось. Не резко, не громко. Просто стало ясно: теперь их разговоры — не случайность, а начало чего-то, что уже невозможно остановить.

Первый намёк на чувство

Однажды вечером он проводил её до дома. У подъезда она задержалась, поправляя ремешок сумки.

— Спасибо за сегодняшний день, — сказала она.

— Это я должен благодарить.

— Вы уже благодарили.

Он улыбнулся, потом вдруг замолчал. И это молчание оказалось длиннее любого признания.

Она подняла на него глаза.

— Вы что-то хотели сказать?

Он посмотрел на неё так, будто впервые позволил себе быть не только взрослым, но и живым.

— Да, — тихо ответил он. — Но, наверное, не сейчас.

Она не обиделась. Только чуть наклонила голову.

— Тогда напишите.

И, прежде чем зайти в подъезд, неожиданно коснулась его руки — легко, почти невесомо. Но этого касания оказалось достаточно, чтобы он ещё долго стоял на месте, чувствуя, как внутри поднимается то самое забытое, опасное, светлое чувство.

Не любовь ещё. Но уже и не просто интерес.

Кристина впервые пришла к нему вечером, когда город уже погасил дневной шум и окна домов светились мягко, как чужие воспоминания. Она держала в руках камеру, но на этот раз снимки были не нужны. Ей хотелось увидеть не улицу, а его жизнь — ту часть, которую он никому не показывал.

Валерий открыл дверь не сразу. В его взгляде мелькнуло что-то осторожное, почти тревожное. Не потому, что он не хотел её видеть. Наоборот. Потому что хотел слишком сильно.

— Проходи, — сказал он тихо.

Квартира оказалась спокойной, почти аскетичной. Книги, папки, аккуратные стопки документов, несколько старых снимков на полке. И среди этой сдержанности — тишина, в которой слишком явно жила память.

Кристина замерла у стены, заметив на комодике маленькую рамку с фотографией женщины. Лицо было мягким, светлым, и в этом лице читалась не просто любовь, а утрата, которую нельзя спрятать.

— Это она? — спросила Кристина почти шёпотом.

Валерий не сразу ответил.

— Да.

Она не стала спрашивать дальше. Но именно это молчание стало между ними особым пространством — не пустотой, а доверием.

Он налил ей чай, и они сели рядом у окна. Между ними было всего несколько сантиметров, но именно это расстояние ощущалось самым опасным. Кристина впервые увидела его не как спокойного архивариуса, а как мужчину, который слишком долго держал свою боль в ладони, не позволяя ей развернуться.

— Ты живёшь как человек, который всё время ждёт чего-то плохого, — сказала она мягко.

— А ты смотришь так, будто видишь больше, чем говоришь.

Она улыбнулась.

— Это моя работа.

— Нет, — ответил он. — Это ты сама.

Эти слова коснулись её сильнее, чем она ожидала.

Первая ревность

Ревность пришла не как скандал, а как тонкая игла. На следующий день Кристина увидела Валерия в разговоре с Доминой Анной.

Анна появилась внезапно — высокая, уверенная, с тем особенным холодным блеском в глазах, который не пугает сразу, но заставляет насторожиться. Она держалась так, будто знает больше, чем говорит. И от этого казалась опаснее.

На ней было тёмное пальто, волосы собраны строго, движения точные. Она не улыбалась просто так. Она смотрела прямо, как человек, привыкший контролировать пространство.

— Валерий, — сказала она, — ты снова копаешься в прошлом. А прошлое, как известно, не любит, когда его трогают без разрешения.

Кристина стояла чуть в стороне и почувствовала, как в ней что-то неприятно сжалось. Анна говорила с ним слишком свободно. Слишком близко. Слишком уверенно.

— Мы знакомы? — спросила Кристина, не скрывая прохладности.

Анна перевела на неё взгляд. Медленно. Внимательно. И в этом взгляде было почти насмешливое признание силы другой женщины.

— Пока нет, — ответила она. — Но, судя по тому, как ты на меня смотришь, знакомство уже началось.

Кристина сдержалась, но Валерий почувствовал, как изменилась атмосфера.

— Анна помогает по делу, — спокойно сказал он. — У неё есть информация.

— Конечно, — заметила Кристина. — У таких женщин информация всегда есть.

Это прозвучало слишком резко, и Валерий заметил это сразу.

Он посмотрел на Кристину мягко, но с тенью укоризны.

— Не нужно ревновать там, где ещё ничего не произошло.

Кристина вспыхнула.

— Я не ревную.

Но именно это и выдало её.

Анна чуть приподняла бровь, словно оценивая сцену, и с лёгкой улыбкой сказала:

— Ладно. Оставлю вас вдвоём. Но, Валерий, не затягивай. Мне нужен ответ до ночи.

И ушла, оставив после себя запах дорогих духов и ощущение скрытого вызова.

Дом Валерия и его боль

В тот вечер Кристина всё же осталась у него дольше обычного. Он молча достал старую коробку с фотографиями и письмами. Она поняла: сейчас он откроет не архив, а себя.

На снимках была та женщина, которую он потерял. Смеющаяся, живая, с тёплым взглядом. На другом фото они стояли рядом, и в его лице тогда было больше света, чем сейчас.

— Я не хотел показывать это никому, — сказал он. — Но с тобой почему-то не получается прятать.

Кристина осторожно взяла один из снимков. Ей стало больно за него. И одновременно — очень близко.

Он стоял рядом, и их плечи почти соприкасались. Воздух между ними стал плотнее, медленнее. Она подняла глаза, и он увидел в ней не жалость, а желание понять.

— Ты всё ещё любишь её? — тихо спросила она.

Он долго молчал.

— Я всё ещё люблю память о ней, — ответил он. — Но то, что я чувствую к тебе... это другое. И именно это меня пугает.

Кристина не отстранилась. Наоборот, медленно коснулась его руки.

— Не бойся, — сказала она. — Я не пришла занимать чьё-то место. Я просто рядом.

Он посмотрел на неё так, будто впервые за долгое время позволил себе вдохнуть.

И в этот момент их близость стала почти осязаемой. Не откровенной, не грубой — но такой, от которой дрожит голос, и тянет подойти ближе, чем принято.

Он наклонился к ней, но не поцеловал. Только коснулся лбом её виска на секунду, словно проверяя, можно ли доверять этому теплу.

Кристина закрыла глаза.

Это было почти как признание.

Сон и знак

Ночью Кристине приснился странный сон.

Она стояла в длинном коридоре, где стены были зеркальными. В каждом отражении была другая версия её самой: одна держала камеру, другая — красный лист ивы, третья — бумажную розу. Вдалеке стояла женщина, лица которой не было видно. Но в её руке был знак — тот самый иероглиф, который Кристина уже видела раньше.

Потом зеркала развернулись, и 6 и 9 начали медленно кружиться друг вокруг друга, пока не сложились в 33.

На полу лежали три красных листа ивы. И между ними — тонкая полоска света, как разрез между двумя судьбами.

Женщина во сне сказала без звука:

«Когда знак приходит после сна — он не предупреждает. Он выбирает».

Кристина проснулась резко, в холоде, и долго смотрела в темноту. Рядом спал Валерий — не совсем спокойно, будто и во сне не отпускал боль. Она осторожно посмотрела на него и поняла, что уже слишком глубоко втянута в его мир.

И, возможно, он — в её.

Новая линия Домины Анны

Наутро Анна снова вышла на связь. Она прислала короткое сообщение:

Анна:

Если хотите понять знак, посмотрите на тех, кто видит сны, но не помнит, как проснулся.

И на тех, кто помнит слишком много.

Валерий прочитал это и нахмурился.

— Она знает больше, чем говорит, — произнёс он.

— И ей это нравится, — сухо ответила Кристина.

Он посмотрел на неё, и в этом взгляде было уже не просто спокойствие, а тихая улыбка.

— Ты всё ещё ревнуешь?

— Нет, — сказала она, но пауза после этого «нет» была слишком длинной.

Он подошёл ближе.

— Кристина.

— Что?

— Ты мне нужна не как помощница.

Она замерла.

— А как кто?

Он не ответил сразу. Просто провёл пальцами по её руке, медленно, почти невесомо.

— Как человек, рядом с которым я снова начинаю чувствовать жизнь.

И этого было достаточно, чтобы между ними возникло то самое электричество, которое уже невозможно спрятать ни в архиве, ни за словами, ни за осторожностью.

Глава. Между знаком и прикосновением

После той ночи в квартире Валерия между ними всё изменилось. Не резко, не громко — как меняется воздух перед грозой, когда ещё светло, но уже ясно: тишина ненадолго.

Кристина пришла к нему без предупреждения. На ней было тёмное пальто, волосы чуть влажные после дождя, взгляд — прямой, чуть настороженный, как у человека, который уже понял слишком много, но пока не готов назвать это вслух. Валерий открыл дверь и на миг

замер: в её присутствии дом, обычно строгий и выверенный, будто перестал быть просто пространством. Он стал ожиданием.

— Ты не позвонила, — сказал он.

— Я не хотела, чтобы ты успел придумать, как меня не впускать, — ответила она.

Он усмехнулся. Эта улыбка была короткой, но в ней уже жил тот особый свет, который появлялся только рядом с ней.

Она прошла в комнату, заметила на столе старую фотографию, блокнот со снами, открытую папку с делом. Всё здесь было связано с прошлым. Но теперь рядом было и настоящее — в её дыхании, в напряжении её пальцев, в том, как она смотрела на него, не прячась.

— Ты опять не спал? — спросила она.

— Спал. Но не так, как хотелось бы.

— Снова сон?

Он кивнул.

— И знак.

Она сняла пальто, повесила его на спинку стула и села напротив.

— Расскажи.

Он помолчал, а потом начал говорить медленно, как говорят не просто о сне, а о том, что остаётся под кожей после пробуждения.

Новый сон

— Я стоял в пустом зале, — сказал Валерий. — Никаких окон. Только зеркало в конце коридора. В отражении я видел не себя, а тебя.

Кристина чуть подняла брови, но не перебила.

— Ты стояла босиком, — продолжал он, — и в руках у тебя был иероглиф. Не как знак на бумаге, а как будто он был живой. Потом на полу появились три красных листа ивы. Они лежали между цифрами: шесть и девять. Сначала они были по разные стороны комнаты, потом начали двигаться друг к другу, пока не сложились в тридцать три.

Она слушала очень внимательно.

— И что было дальше?

Он посмотрел на неё так, будто сам не был уверен, стоит ли произносить это вслух.

— Появилась женщина. Не Анна. Кто-то другой. Лицо закрыто. Она сказала: «Когда знак приходит после сна, он уже выбрал того, кто должен идти дальше».

Кристина медленно выдохнула.

— Это уже не просто сон.

— Я знаю.

— Это указание.

Он кивнул.

— И, кажется, не только мне.

Она встала и подошла ближе к окну, будто ей нужно было пространство, чтобы всё это уложилось внутри.

— Три красных листа ивы, — тихо произнесла она. — Иероглиф. 6 и 9. Это словно кто-то собирает нас по кускам.

— Или ведёт, — ответил он.

Домина Анна

Анна появилась на следующий день, как если бы сама была частью этого сна, только уже в реальности. Она вошла уверенно, без стука, в длинном тёмном пальто и с тем выражением лица, которое редко бывает у людей случайным. В ней было что-то властное, собранное, почти холодное. Не угроза — контроль.

— Валерий, — сказала она, не обращая внимания на Кристину сразу, — я нашла то, что тебя интересует.

Она положила на стол конверт. Внутри была старая фотография: тот самый иероглиф, нацарапанный на стекле, и пометка на обороте — дата, совпадающая с одной из ночей из сна.

Кристина почувствовала, как внутри неё снова вспыхивает то неприятное, острое чувство. Анна говорила с ним так, будто имела право. Слишком уверенно, слишком близко.

— Откуда это у тебя? — спросил Валерий.

Анна слегка улыбнулась.

— Из мест, куда ты сам пока не дошёл.

Она перевела взгляд на Кристину.

— А ты, должно быть, та самая девушка с Красной площади.

Кристина не отвела глаз.

— А вы, должно быть, любите появляться без приглашения.

Анна чуть наклонила голову, принимая вызов как комплимент.

— Иногда без приглашения видно больше.

Валерий вмешался спокойно, но жёстко:

— Анна помогает по расследованию. У неё доступ к старым связям и архивным фрагментам.

— И к людям, которые любят хранить секреты, — добавила Анна. — В том числе к одному очень старому делу, где знак 33 был не символом, а кодом.

Кристина замолчала. Это уже было важнее ревности.

— Кодом чего? — спросила она.

Анна посмотрела прямо на неё.

— Маршрута. Перемещения. Того, что ночью вывозили из дома, а потом называли исчезновением.

В комнате стало тихо.

Валерий взял фотографию и долго смотрел на неё.

— Значит, ты знала это всё время.

— Я знала, где искать. Это не одно и то же.

И ушла так же внезапно, как пришла, оставив после себя тяжёлый след — и в воздухе, и в мыслях.

Первый поцелуй

Когда дверь закрылась, Кристина долго молчала. Валерий тоже не спешил нарушать тишину. Но теперь эта тишина была другой — натянутой, живой, почти опасной.

— Она слишком свободно себя ведёт, — сказала Кристина наконец.

— Анна привыкла, что её боятся.

— А ты?

Он повернулся к ней.

— А я привык держать дистанцию.

Она посмотрела прямо, без улыбки.

— Со мной у тебя не очень получается.

Он шагнул ближе. Ещё ближе. Теперь между ними было совсем мало воздуха. Кристина не отступила. Наоборот — чуть подняла голову, будто уже знала, что произойдёт.

Он коснулся её лица ладонью — осторожно, почти спрашивая разрешения. И в этом прикосновении было больше нежности, чем в любых громких признаниях.

— Кристина, — тихо сказал он.

— Я здесь, — ответила она.

И тогда он поцеловал её.

Не резко. Не жадно. Так, как целуют не ради желания, а когда уже невозможно дальше притворяться, что сердце бьётся спокойно. Этот поцелуй был долгим ровно настолько, чтобы оба поняли: отступить уже поздно.

Кристина закрыла глаза, и весь остальной мир — архив, дела, Анна, знак 33, 6 и 9 — на мгновение исчез.

Когда они отстранились, она не улыбнулась сразу. Просто посмотрела на него так, будто теперь знала о нём больше, чем прежде.

— Наконец-то, — прошептала она.

Он тихо усмехнулся, но в его взгляде уже была не сдержанность, а признанная уязвимость.

Их близость

Позже, уже ночью, они сидели рядом на диване. Свет был приглушён, за окном шелестел дождь. Кристина держала в руках чашку остывшего чая, Валерий — её ладонь.

Между ними больше не оставалось нужды в объяснениях. Его пальцы медленно скользнули по её запястью, словно он запоминал её тепло. Она повернулась к нему, и их дыхание смешалось.

— Ты всё ещё боишься? — спросила она.

— Да.

— Меня?

— Того, что рядом с тобой я перестаю прятаться.

Она посмотрела на него почти с нежностью.

— Это не страшно.

Он наклонился и поцеловал её снова — тише, глубже, увереннее. В этом поцелуе уже было меньше осторожности и больше доверия. И всё же он останавливался ровно там, где должен был остановиться, потому что их связь была сильнее физического порыва. Она росла из боли, памяти и выбора.

Кристина провела пальцами по его щеке.

— Ты слишком долго жил один.

— А ты слишком смело вошла в мою жизнь.

— И что теперь?

Он посмотрел на неё.

— Теперь мы не можем отступить.

Детективная линия

На следующий день Анна прислала ещё одно сообщение. Короткое, без лишних слов:

Анна:

Знак 33 связан не только с исчезновением. Он связан с теми, кто видел сон и не проснулся прежним.

Ищите дом, где на стекле остался иероглиф. Там начинается маршрут 6 и 9.

Валерий прочитал это вслух. Кристина стояла рядом, всё ещё чувствуя тепло его прикосновения, но уже возвращаясь к делу.

— Она не случайно появилась, — сказала она.

— Нет.

— Она ведёт нас.

— Или проверяет.

Кристина взяла со стола фотографию с иероглифом.

— Тогда пойдём дальше. Вместе.

Он посмотрел на неё и кивнул.

И в этот момент стало ясно: их история только начинается по-настоящему. Любовь, ревность, тени прошлого, Домина Анна, знак после сна, 33, 6 и 9 — всё это теперь было одной дорогой.

Глава. Иероглиф на стекле

Кристина заметила Анну ещё издали — не по платью и не по походке, а по тому, как люди расступались перед ней почти незаметно. Домина Анна не входила в пространство, а будто переписывала его под себя. Рядом с ней даже воздух становился строже.

Валерий стоял у машины, просматривая фото с иероглифом, когда Анна подошла вплотную и, не здороваясь, положила ему на ладонь тонкий пакет.

— Дом готов, — сказала она. — И ты знаешь, что там искать.

Кристина почувствовала, как внутри у неё шевельнулась ревность — не истеричная, не бурная, а тихая и колючая. Анна говорила с ним слишком уверенно, будто была частью его прошлого, которое она сама ещё не успела понять.

— Почему ты не сказала мне раньше? — спросила Кристина.

Анна повернула к ней лицо и чуть улыбнулась.

— Потому что не всё, что важно, нужно произносить вслух сразу.

Валерий вмешался спокойно, но в его голосе уже слышалась усталость от этого скрытого напряжения.

— Анна нашла дом, где на стекле остался знак. Мы едем туда сейчас.

Кристина молча кивнула, но Анна заметила в этом кивке всё: и уязвимость, и неприязнь, и желание не отступать.

Дом с иероглифом

Дом стоял на окраине, старый, почти забытый, с облупленной краской и узкими окнами. Внутри пахло пылью, сыростью и чем-то ещё — будто временем, которое здесь не жило, а залежалось.

Анна шла первой. Она не боялась темноты, а, наоборот, пользовалась ею как инструментом. На её телефоне дрожал свет фонаря, выхватывая лестницу, дверные косяки и следы на полу.

— Здесь, — сказала она.

На внутреннем стекле старой двери был процарапан знак. Не просто линия, а сложный иероглиф, будто оставленный кем-то в состоянии тревоги или последнего предупреждения.

Кристина замерла.

— Я видела это во сне, — прошептала она.

Валерий приблизился, провёл пальцами по стеклу, не касаясь самой царапины.

— И я тоже.

Анна посмотрела на обоих с почти холодным интересом.

— Значит, вас ведут по одной дороге.

Кристина не выдержала:

— Ты всегда так говоришь, будто знаешь больше, чем все остальные.

— Потому что чаще всего так и есть, — спокойно ответила Анна.

И снова в комнате стало тесно от их молчаливого соперничества.

Три красных листа ивы

Они поднялись наверх, в комнату, где когда-то, по словам Анны, хранили старые вещи. Там на подоконнике лежали три красных листа ивы.

Не зелёных, не жёлтых — именно красных, слишком ярких для этого заброшенного дома. Они казались чужими, почти ритуальными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.